

Проект

Мне повезло: на нашем курсе литфака Магнитогорского государственного педагогического института русский язык вела блистательная Инна Моисеевна Полякова. Кандидат филологических наук, заслуженный работник высшей школы России, просветитель, патриот малой родины, великолепный педагог и человек с золотым сердцем, она и сегодня востребована как профессионал экстра-класса.

По спорным лингвистическим вопросам журналисты и корректоры, многие из которых – её бывшие студенты, звонят любимому преподавателю, зная, что Полякова – непрекаемый авторитет. А кроме того, она кладезь воспоминаний об истории Магнитогорска. Некоторыми из них Инна Моисеевна поделилась с «ММ» в рамках проекта «Город, который я люблю».

– Какой вы помните Магнитку вашего детства?

– Я всем обязана этому городу, потому что, если бы не строилась Магнитка, мои родители бы никогда не встретились. Папа – астраханец, работал механиком на пароходе, который ходил по Волге. Мама закончила Пермское фармацевтическое училище и получила распределение в Магнитогорск, её поселили на пятом участке в так называемом аптечном бараке. А папа разошёлся с первой женой и приехал в сюда к родственникам. Родители встретились благодаря Магнитогорску. Отец потом над мамой всё время смеялся: «Пермяки – солёные уши». Вместе они прожили очень долгую счастливую жизнь.

Я родилась в 1936-м. В детстве жили на левом берегу – переулочек Ржевского, 2 с бабушкой, маминной мамой. Она была вдова царского офицера, умершего в 1911 году, но её попрекали белогвардейскими корнями.

– Знаю, что ваш отец и мой дедушка дружили...

– Отец в Астрахани закончил техникум, а здесь были нужны механики на ММК, его с удовольствием взяли.

У них в отделе главного механика комбината такое было общество потрясающее. Во главе стоял Лев Зельманович Лещинский, – как они звали его, царь зверей. И в этом отделе были сплошные звери. Мой папа был очень высокий, большой и полный, его называли слоном. Целый зверинец. «Кто звонил? – Бегемот», – то есть ведущий механик Николай Николаевич Сахарин.

– Расскажите о военном времени.

– Помню, как чуть свет бабушка шла в магазин в торце дома № 2 по Ржевского, где он есть до сих пор, стояла в очереди за хлебом. Родители работали целыми днями, бабушка у нас ведала всеми карточками и закупками. И всегда дрожала: «Ой, не трогайте масло, Инночке оставлено». Я говорила: «Твоё масло совсем не хочу, пусть папа ест, он много работает». Бабушка многому меня научила. Когда-то она была горничной у дочери князя Путятина в Перми, там её увидел будущий муж и влюбился. Анастасия Михайловна была Зайцева по мужу, а девичья фамилия Лисицына – у

«Меня создала Магнитка»

И у трудных времён есть светлые стороны

Инна Полякова

Библиотека металлургов, 50–60-е годы

Читальный зал, 50–60-е годы

нас сплошной зверинец! Поскольку бабушка в юности жила при княжеской дочери, она была грамотная и начитанная. У неё были прекрасные иконы, но к церкви относилась, как её любимый писатель Лев Толстой: любви к священству не было, а в бога веровала. Говорила: «Внутри у каждого свой бог».

Ещё до войны часто гуляли с ней. На Маяковского был гастроном, где покупали шоколад «Дирижабль» – красивая голубая плитка. Дружно, хорошо жили. С трёх лет я была записана в библиотеку металлургов на левом берегу. Уже сама читала. И потом с этой библиотекой дружила до самого конца, пока она работала.

– Какие книги вы любили?

– «Путешествие Нильса с дикими гусями», потому что там много событий. Из наших авторов наизусть знала всего Маршака. У меня была его большая толстая книга «Сказки, песни и загадки». До сих пор вспоминаю: «Жил на свете человек, скрюченные ножки, и гулял он целый век по скрюченной дорожке».

Очень любила читать и ходить в кино и театр. Мама меня таскала по всем киносеансам. В детстве смотрела «Леди Гамильтон» (12+) с Вивьен Ли – до 16 лет не пускали, а меня пустили.

Когда-то на левом берегу был очень хороший парк, и в парке был

летний кинотеатр, где шли трофейные фильмы. Там смотрела прекрасный французский фильм «Король забавляется» (16+), в котором были откровенные сцены.

Бабушка умерла в 1944 году – стало плохо с сердцем. Она обрадовалась – что-то произошло на фронте, она поверила, что война скоро кончится...

И мама на лето, до школы, сбывала меня в детский сад. Терпеть его не могла. А осенью пошла в 31-ю школу. У меня была чудесная первая учительница Ольга Филипповна, и вообще с учителями повезло. Я не любила точные науки, но благодаря Марфе Павловне Левицкой математику прекрасно помню до сих пор.

Во время войны было очень хорошее культурное обеспечение. Приезжали и Малый театр, и МХАТ, мама меня на все спектакли водила. Ивана Любезнова, прекрасного актёра, очень хорошо помню, он к маме приходил за шиповником – настаивал, чтобы не было цинги. А как было не пойти на Веру Марецкую!

Спектакли гастролирующих театров шли с семи часов вечера, а в 11 часов начинались спектакли нашего драмтеатра – и люди ходили, хотя с утра многим на работу.

Работал кинотеатр в левобережном Дворце. Каждую неделю – новые фильмы в «Магните»... Нет, у меня детство хорошее было – и

школа, и библиотека прекрасная – директор Ольга Никифоровна Золотова такая молодец. И спектакли ставили. Я Репка была, до сих пор помню свой текст: «Сладкая-гладкая, гладкая-сладкая, выросла на грядке я...» Это ж чудо было!

– Библиотека была своеобразным клубом?

– У нас сформировался целый клуб юных любителей книг. А какие Дни книги были замечательные. Много интересных событий организовывала Ирина Александровна Евстифеева. Уже во взрослом возрасте проводили великолепный вечер, посвящённый Константину Симонову. Выпустили огромную афишу с фильмами по симоновским вещам. И все присутствующие в конце вечера расписались на этой афише с добрыми пожеланиями Симонову. В ответ Константин Михайлович прислал письмо, написанное от руки чёрными чернилами, – оно долго стояло в библиотеке металлургов – с благодарностью за то, что его знают и помнят.

– Обычно говорят о тяготах военного времени, а вы вспоминаете в первую очередь о светлых сторонах.

– Продукты по карточкам, но никто не умирал от голода. Бабушка выкупала всё. Бабушка вымачивала горбушу, которую давали по талонам, была картошка в мундире,

чёрный хлеб, который я очень любила. Да нормально жили. Конечно, никаких колбас не было, но мясные продукты, консервы были. Очень много давала Америка. Я бы сейчас с удовольствием поела американской ветчины в жестяных банках. А какой шоколад-сырец был – его рубили и взвешивали вместо сахара. Тушёнка появилась по талонам, когда открылся второй фронт.

У папы было две сестры и восемь братьев, пятеро из которых воевали, а муж его сестры, военврач, служил в Севастополе на военном корабле. Все вернулись с войны.

Много доброго вспоминаю о военном и послевоенном времени. У нас был очень хороший дом и хорошая команда мальчишек и девчонок. Из них выросли достойные люди. Вика Подкорытова, по-моему, стала профессором в горном институте. В нашем доме жили Александр Пороховщиков – тогда он был Сашка Дудин. Вредный парень, прям ужас, как из него получился артист, не понимаю. Его отчим Николай Александрович Дудин был главным архитектором Магнитогорска, он строил проспект Металлургов. Всё, что красиво, – это построено Дудиным.

Жили в коммуналке. Соседка Галина Штатнова, солистка эйдиновской капеллы, занимала большую комнату, а мы – большую и маленькую. Когда к нам переселили эвакуированных ленинградцев, всех уплотнили. Из маленькой комнаты бабушка перешла к нам в большую, Галина Владимировна – в бабушкину маленькую, а ленинградцев – семью Смирновых из трёх человек – разместили в её большой комнате. Сразу, как только освободили Ленинград, им разрешили выехать. И они увезли мою любимую кошку изумительной красоты. Но я её подарила, потому что сказали: в Ленинграде такое количество крыс, что невозможно жить. Мы потом долго поддерживали с ними связь.

– А письма на фронт писали?

– Мы, школьники, дежурили в госпиталях, которые располагались в 8-й и 31-й школах и левобережном Дворце. Выступали – пели и танцевали, а кто был грамотный – писали письма под диктовку для раненых, которые не могли сделать это сами.

Писала дядькам, которые воевали. Точнее, мама с папой писали, а я клала на лист бумаги руку, её обводили, я там внутри нарисованной ладони писала: люблю, целую...

– Фото военных лет у вас не осталось?

– Нет. Кто тогда фотографировал. Фотоаппараты появились в 1945 году – трофейных тогда было море. А школьные групповые фото подарила в архив 31-й школы, которую закончила в 1954-м.

– А после школы сразу поступили на литфак нашего педагогического института?

– Да, факультет русского языка и литературы закончила в 1959-м. Два года работала в школе рабочей молодёжи комбината. Она находилась недалеко от «Первой палатки». В институт пригласили на только что открывшийся педфак, на литфак – ныне филологический факультет – перешла уже потом. У меня стаж 52 года – 50 лет в институте и два года в школе рабочей молодёжи. Когда пришла в вуз, коллеги надо мной подшучивали – как раз вышел фильм «Весна на Заречной улице». А я отвечала: «Никакой весны. Я замужем, у меня растёт дочь...»

Везде, где работала, были замечательные коллективы, так что могу сказать только хорошее. Меня создала Магнитка. Я всем обязана этому городу.